

ФИГУРА ДИСКУРСА

Н.В. Иванов

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России (Москва, Россия)
e-nickma@mail.ru*

М.Н. Федулова

*Военный университет Министерства обороны РФ (Москва, Россия)
mfedulova@mail.ru*

В статье предпринимается широкое теоретическое рассмотрение *фигуры* в выразительном и содержательном аспектах, как семиотической и когнитивной категории. Подчеркивается речевая природа фигуры. Фигура – характерная форма *речевого знака*. Сущностная реальность фигуры описывается через признаки переходности и интерпретации. Переходность и интерпретация – функциональные качества, которые характеризуют отношение между частями фигуры. Термин *часть фигуры* получает двоякую трактовку: линейную и смысловую содержательную. Фигура образуется единством и оппозицией двух частей: предметно-семантической и смысловой. Линейная трактовка показывает дискретное выразительное развитие фигуры, одна часть сменяет или дополняет другую, в этом переходе возникает смысловое развитие. Линейный подход применим в различных масштабах рассмотрения. Как фигура могут трактоваться: формы номинативного или структурного дублирования, переход от темы к реме в высказывании, переход от высказывания к высказыванию в тексте, интертекстуальный переход от текста к тексту в масштабе дискурса. Смысловой подход характеризует внутреннюю синкретику фигуры, семиотическую взаимосвязь в ней смысла и предметной семантики, фигура линейная превращается в фигуру смысловую. Здесь также выделяются различные уровни рассмотрения. Смысловой подход позволяет рассматривать синергетику фигуры. Выделяются внутренняя и внешняя синергетики фигуры. Первая касается внутреннего взаимного отношения частей фигуры. Вторая характеризует обусловленность фигуры концептуальными факторами дискурса. Фигура в своем развитии нацелена на «функциональную перспективу дискурса». В фигуре оттачиваются устойчивые концептуальные факторы дискурса. Фигура способствует концептуальной структуризации дискурса. Формируется *концептуальная фигура дискурса*. Наиболее устойчивые концептуальные признаки фигуры выделяются в институциональных видах дискурса. В статье приводятся примеры из области юридического и политического дискурсов. Статья может представлять интерес специалистам в области дискурсивного, семиотического, когнитивного и логического анализа.

Ключевые слова: фигура дискурса; речевой знак; переходность; интерпретация; внутренняя синергетика фигуры; внешняя синергетика фигуры.

1. ФИГУРА: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС И АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Фигура – весьма многозначное слово. Наука позаимствовала это слово из простого языка, увидев в нем множество важных признаков, которые с различных сторон объясняют речевую работу языка, закономерности риторической, стилистической и художественной организации текста. Надо сказать, что термин *фигура* не несет в себе сущностных характеристик и не претендует на ключевые позиции в понятийном аппарате лингвистики, филологии, семиотики – позиции, которые уже давно и по праву занимают такие понятия как «знак», «слово», «символ», «высказывание», «текст», являющиеся носителями атрибутов языка во всех его проявлениях и, значит, подлинными объектами научного изучения. Онтологическая

значимость фигуры заключается не в ее субстанциональном статусе как объекта, а в открывающихся в ней или посредством нее перспективах функциональной интерпретации исторической реальности языка в ее фактическом понимании.

Фигура – универсальный критерий описания выразительной жизни языка.

В научном обиходе филологии и лингвистики применительно к низшим формам речевой экспрессии используются термины *риторическая фигура*, *стилистическая фигура*, *фигура речи*. В логике, говоря о сложных формах мысли, о формах выводного знания, в которых устанавливается некоторое отношение посылок и вывода, используют термин *логическая фигура*, в частности, выделяют *фигуры умозаключения*.

К высшим литературным формам, по-видимому, также может быть применен термин *фигура*, если иметь в виду глубинную структуру сюжетного развития, именуемую *фабулой*. Термин *фигура* здесь получает некоторую двойственность: фигурами, прежде всего, именуются литературные персонажи, действующие лица сюжета, однако, само разрешение или модус отношений между фигурами-персонажами также понимаются вполне фигуративно, эти отношения строятся и развиваются типически, как бы по некоторой заранее принимаемой схеме. На этой основе с известной долей упрощения выделяются жанровые формы в литературе: трагедия, мелодрама, комический детектив и пр. Используя тот же принцип сюжетной фигуративности, В.Я. Пропп выстраивает систему вариантов развития сюжетов русской волшебной сказки: функция сюжетной фигуры здесь является определяющей [Пропп, 2001]. Функциональные позиции фигур волшебной сказки по Проппу типизированы, определены *a priori*. Содержательная наполненность позиции сюжетным присутствием той или иной фигуры-персонажа и его действиями – дело конкретного сказочного повествования. Элементы аналогичной сюжетно-персоналистической фигуративности можно усмотреть в фольклорно-театральных постановках жанра *комедия дель арте* (*комедия масок*), в пьесах К. Гоцци.

От всего этого можно провести параллель со структурой распространенного предложения в языковом синтаксисе, в котором также, хотя и по формально-грамматическим критериям, выделяются функциональные позиции членов предложения: подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства и пр. Синтаксическая позиция как таковая в реальном речевом выражении может отсутствовать, но любое расширение синтаксической структуры предполагает включение в состав предложения и заполнение соответствующей потенциальной позиции: мысль в понимании и в языковом отображении действительности движется как бы по заранее установленной схеме, алгоритму. Термины *глагольная валентность*, *актантная структура предложения* также можно понять как свидетельство потенциальной фигуративности языкового синтаксиса.

Закономерные черты фигуративности выявляются при изучении низших форм фольклора – *пословиц* и *загадок*. Г.Я. Пермяков основывает свою универсальную классификацию пословиц на строгих логических принципах фигур умозаключения [Пермяков, 1988]. Народные загадки также реализуют в себе принцип фигуры. С.Я. Сендерович, характеризуя символическую структуру загадки, представленную переходом от метафорического описания к разгадке, предлагает емкий термин: *фигура сокрытия* [Сендерович, 2008, с. 103].

Проводя широкое обобщение, Н.Д. Арутюнова отмечает, что для фигуры характерно «разделение формы и субстанции: форма начинает мыслиться в отвлечении от «сформированной» материи», последнее «... влечет за собой схематизацию (типизацию) формы» [Арутюнова, 1998, с.328]. В фигуре мы, наконец, можем представить себе чистую форму, чистый порядок развития содержания. В фигуре нам

дана «алгебра» мысли в отвлечении от ее содержательного наполнения. Сама форма абстрагирует себя как закон, которому подчиняется в своем развитии любое содержание.

Под каким бы углом зрения и в каком бы масштабе описания ни рассматривать фигуру, жизнь языка в ней предстает в своем выразительном развитии. При этом каждый раз возникает некоторое единство движения и формы, в котором сочетаются качества стандарта и неповторимости. Фигура – это всегда некоторое движение формы или, если посмотреть на ту же связку с другой стороны, это некоторая *оформленность движения*. Связь эта органична, вряд ли можно представить одно без другого. Говоря о латинской этимологии слова *фигура* (*figura*), Н.Д. Арутюнова соотносит его с греческими лексическими аналогами, которыми являются *τύπος* и *εἶδος* [Арутюнова, 1998, с. 327]. Греческие термины характеризуют внутреннюю диалектику фигуры, сочетание в ней материального и смыслового начал. Фигура – это всегда осмысленное движение формы.

Надо сказать, что фигура – это исключительно речевой и *дискурсивный* феномен. Роль фигуры в дискурсивном аспекте аналогична роли грамматики (грамматической формы) в структурном поле языка. Подобно тому, как грамматика заключает в себе закономерную взаимосвязь парадигматического и синтагматического начал в структурной работе языка, фигура отражает связь смыслового и линейного в работе дискурса. И там, и там мы отмечаем связь и оппозицию двух измерений: вертикального и горизонтального. Связь двух измерений характеризуется *переходностью* – видимостью одного сквозь другое: очертаний внутренней смысловой формы через внешнее линейное выражение и, напротив, перспективы внешнего выразительного развертывания в смысловых очертаниях мыслимого содержания. Инаковостью двух начал создается онтологическая реальность языка.

В силу сказанного, с известной долей условности назовем фигуру «грамматической формой» дискурса.

Впрочем, статус и структурная работа фигуры существенно отличаются от статуса и структурной механики грамматической формы. Последняя имеет высоко устойчивые закономерные черты, предписывает форму понимания мира и вместе с семантикой знака образует то, что можно назвать языковой «матрицей» понимания мира. Фигура, напротив, феноменологична. Если в грамматике укоренена внутренняя форма языка, то в фигуре нам открывается смысловой феномен понимания – каждый раз уникальный и неповторимый. Грамматическая форма – «систематизатор», который адаптирует все новое привходящее под уже известное и понятное, приобщает новое к наличному опыту, интегрирует внешнее вовнутрь системы. Фигура по своему статусу – это «феноменологизатор», она продвигает известное к неизвестному, открывает внутреннее внешнему. Фигура генерирует новизну смысловой жизни знака, предназначена для этого. Закон бытия и феномен бытия сталкиваются в выразительной и смысловой работе знака.

Посредством грамматической формы язык осуществляет *категоризацию* мира, распределяет смысловые роли, функциональные позиции понимания. Все обозначаемое получает категориальный статус, приобщаясь к языку. Феноменологические свойства фигуры основаны на функции *интерпретации*. Фигура – это техника интерпретации. Категоризация носит абсолютный, завершенный характер. Интерпретация, напротив, относительна, характеризуется незавершенностью. Любая интерпретация оставляет ощущение недостаточности, недосказанности. Открывая что-то новое, интерпретация расширяет понимание. Но при этом она неизменно оставляет открытой перспективу дальнейшего понимания. Никакое достигнутое путем интерпретации понимание не может считаться окончательным, за ним всегда стоит возможность иного дальнейшего понимания.

При всей окказиональной феноменологической устремленности фигуры необходимо отметить, что она в своей выразительной динамике неизменно работает по одному вполне определенному алгоритму. В этом плане можно говорить об определенном априоризме фигуры. Впрочем, априоризм фигуры – не то же самое, что априоризм языкового знака. Интересно то, что этот всегда один и тот же выразительный алгоритм фигуры не отменяет ее практически бесконечной видовой спецификации и феноменологического разнообразия. Более того, он же является первым и важнейшим условием этого классификационного и фактического разнообразия.

В основе выразительной работы фигуры лежит принцип *символической бинарности*. Эту бинарность иначе можно назвать простым словом *повтор*. Внутри фигуры что-то повторяется, дублируется, именуется дважды. Повторное обозначение в фигуре является субъективным: сам говорящий возвращается к сказанному, «проигрывает» обозначенное дважды. Это не контекстуальный (связанный с необходимостью дальнейшего развития повествования, вызванного сложностью внешнего описания), а семиотический повтор. Первичное обозначение по какой-то причине не устраивает говорящего, кажется ему недостаточным, и он пытается его подправить, уточнить, расширить, дополнить и т.д., одним словом, продублировать каким-то другим обозначением (таким же конкретным, более общим или образным). В этом, с одной стороны, мы отмечаем семиотическую избыточность фигуры: выразительную и референциальную. Однако этим же, с другой стороны, создается выразительное и смысловое усиление в ней. Фигура замедляет референцию, останавливает референцию.

В.Б. Шкловский, вспоминая академика А.Н. Веселовского, видит в художественных формах, основанных на принципе символической двойственности, реализацию «*приема затрудненной формы*» [Шкловский, 1983, с. 15]. Этот прием основан на технике символического или выразительного «обмана», именуемого В.Б. Шкловским термином *остранение*. Фигура, с одной стороны, в видимой своей части служит тому, чтобы отвлечь внимание читателя от реального объекта обозначения, затруднить «узнавание вещи» (через образную номинацию или некоторое выразительное структурное усложнение). Но все это, с другой стороны, приводит к обратному результату: восприятие деавтоматизируется, внимание усиливается, возникает определенный смысловой (прагматический, эстетический) эффект. Через преодоление видимой трудности восприятия достигается *катарсис*: новое более глубокое по смыслу «узнавание вещи». Об универсальности катартического качества практически любого образа говорит К.В. Шнякина. Сложность узнавания, «перехода от виртуального к реальному» в метафоре, в загадке, анекдоте, литературной форме и пр., в конечном счете, приводит к катартическому переживанию [Шнякина, 2010, с. 146].

Фигура, как речевой феномен, противостоит «нарративной речевой модальности» [Сендерович, 2008, с. 19], т.е. описательно-повествовательной форме развития речи. В нарративе, в чистом его понимании, предмет мысли предстает совершенно объективно в некотором порядке своего пространственно-временного существования, ситуационной данности, распространения. В нарративе не может быть повторов, возвратов к уже сказанному (если, конечно, этих повторов нет в структуре самой описываемой объективной ситуации). В нем должна открываться схема видимой, отображаемой в знаке реальности. В нем не должно быть ничего лишнего (он не должен обозначать более того, что есть в самой обозначаемой реальности). Для нарратива важна выразительная и референциальная достаточность.

Две речевых модальности не существуют отдельно одна от другой. Фигура возникает на базе нарратива, вырастает из нарратива. Фигура в этом смысле относительно нарратива представляет собой феномен вторичной, т.е. коннотативной,

семиотики¹. Структура нарратива, как феномена первичной семиотики, обеспечивается функцией грамматической формы. Между частями нарратива устанавливается *категориальное* отношение (напр., в формах грамматического согласования или падежного управления между членами предложения). Выразительная форма фигуры подчиняется смыслу. Между частями фигуры устанавливается *интерпретационное* отношение, т.е. одна часть (элемент, сторона) фигуры интерпретирует (эксплицирует, комментирует) другую.

Отметим, что внутренняя семиотическая двойственность – необходимое свойство фигуры. Эта двойственность характерна для *речевого знака*, для которого единственно существенным является отношение между смыслом и значением, смыслом и предметной семантикой знака. И интерпретация в техническом ее понимании есть отношение между значением и смыслом в речевом знаке и характеризуется *переходностью* от одного к другому – в каком бы выразительном формате это ни рассматривать (отдельная образная номинация, высказывание, текст). Связь значения и смысла в феноменологии речевой деятельности подвижна и переменчива, что ее отличает от семиотики языкового знака, для которой существенна фиксированная связь языкового значения (устойчивого содержательного представления) и акустического образа. Последнее создает возможность обособленного рассмотрения языка от речевой деятельности в научном изучении [Соссюр, 1933, с. 39].

Нельзя недооценивать роль коннотации в семиотике речевого знака. По отношению к языковому знаку коннотацию часто рассматривают как побочный, в целом случайный смысловой результат речевого использования знака. Вместе с тем, именно коннотация характеризует смысловой выход знака за рамки системы. В этом выходе открывается высшее предназначение знака, для чего он создается и для чего он существует. Благодаря коннотации языковой знак превращается в речевой знак, он наполняется качеством выразительного движения, обретает свойства фигуры.

2. ВНУТРЕННЯЯ СИНЕРГЕТИКА ФИГУРЫ

Первичная семиотика, семиотика языкового знака, статична, вторичная семиотика, семиотика фигуры, характеризуется динамикой смыслового и выразительного развития.

Сущность возникающего между частями фигуры отношения раскрывается двумя терминами: *интерпретация* и *переходность*. Интерпретация характеризует содержательную сторону отношения, переходность – материальную, физическую. В содержательном аспекте одна часть фигуры эксплицирует другую. В материальном решается задача субституции, т.е. одна часть фигуры приходит на смену другой. В аспекте переходности устанавливается тождество между частями фигуры. В аспекте интерпретации раскрывается их различие. Вместе два аспекта образуют перифрастическое отношение внутри фигуры. Это же отношение является в полном смысле слова семиотическим.

Существует известная аналогия и преемственность между вторичным семиотическим замещением в фигуре и первичным семиотическим замещением в языковом знаке. Впрочем, важно понимать и различие: первичное замещение реализует функцию референции (функцию первичной содержательной идентификации обозначаемого объекта), вторичное является исключительно межзнаковым и реализует

¹ Понятие «коннотативная семиотика» предлагает Л. Ельмслев, это – семиотика, «план выражения которой является семиотикой» [Ельмслев, 1960, с. 369]. Иначе говоря, языковой знак в единстве значения и формы (означающего и означаемого) является знаком своей коннотации.

функцию интерпретации. «Интерпретация не имеет прямой познавательной функции... Интерпретация – это принципиально межзнаковое отношение» [Иванов, 2018, с. 16]. Первичное замещение реально, характеризуется истинностными свойствами. Вторичное замещение виртуально: в нем реализуется мнение, истина не имеет для него решающего значения. Последнее, впрочем, не означает, что фигура превращается в самодостаточную величину и может игнорировать референцию (т.е. свои реальные предметные основания, свою связь с обозначаемым объектом). Действительно, любая фигура в своей внутренней динамике, по форме, по структуре удаляясь от референции, стремится установить свое смысловое превосходство над референцией, но она не может порвать окончательно связь с ней, поскольку это уничтожило бы функцию самой фигуры. Так, доведенное до полного разрыва с референцией *остранение* в поэтической метафоре может приводить к утрате образности и, значит, чревато «смертью» самой метафоры [см.: Барбазюк, 2013, с. 134-136]. Вертикальная двойственность, как отношение между двумя уровнями семиотического замещения, как связь референции и интерпретации в ней, – необходимое качество фигуры.

Между функцией первичного (реального) и функцией вторичного (виртуального) семиотического замещения в фигуре возникает и развивается сложное *синергетическое* взаимодействие, в котором усматриваются признаки борьбы противостоящих друг другу моментов. Синергетика вырастает на базе внутренней двойственности фигуры. Между дублирующими друг друга частями фигуры возникает борьба в референциальном и в смысловом поле фигуры. В комплексном понимании это – смысловая борьба между двумя соперничающими номинациями (или более сложными предметными обозначениями) за референцию. Более совершенная по смыслу форма вытесняет другую, менее совершенную из поля референции. Это может быть линейное соперничество между следующими друг за другом формами (мы видим это в таких фигурах, как: градация, анафора, эпифора, другие формы структурного параллелизма и пр.), где последующая номинация (форма) мыслится как более точная, более совершенная и подходящая по смыслу, чем предыдущая. Это может быть внутреннее имплицитное соперничество, которое мы видим в образных формах (тропах), где сталкиваются реальная (вытесняемая) и виртуальная (вытесняющая) номинации. В образных формах верх одерживает вторичное замещение, которое полностью вытесняет форму первичного (напр., в метафоре мы видим полное вытеснение прямого наименования объекта образным – более емким и полным по смыслу).

Две семиотики фигуры, смысловая и референциальная, находятся в постоянной и непримиримой борьбе, но они не могут избавиться друг от друга. Фигура – показательный пример действия философского закона «единства и борьбы противоположностей».

Референциальное вытеснение в фигуре может протекать по-разному, с разной степенью интенсивности и завершенности. Можно выделять два типа вытеснения: относительное (неполное) и абсолютное (полное). Первое характерно для линейных фигур, второе – для смысловых (тропов). При неполном вытеснении все элементы фигуры не уходят из выражения, т.е. присутствуют в линейной цепи, следуя друг за другом, как бы надстраиваясь по смыслу один над другим. Например:

- градация: *It described him as groggy, dazed and stunned by the violence of the attack...*;

- анафора: *Когда я читаю в нашей печати, что у русских не было своей территории..., когда я читаю, что..., когда меня печатно убеждают, что..., когда на страницах /известных журналов/ появляются..., – когда я думаю обо всем этом...*

В этих примерах нет образных элементов. Содержательное нарастание в них, провоцирующее усиление экспрессии, достигается путем линейного повтора. Автор как бы останавливается на одном и том же моменте мысли, путем множественного повтора привлекает внимание к нему. Все элементы объединены общей задачей, как бы «бьют» в одну референциальную точку. При этом между следующими друг за другом элементами возникает борьба за референциальное первенство, за смысловое превосходство: какой из них более точно и характерно идентифицирует обозначаемый объект. В то же время, ни один из предшествующих элементов не элиминируется, не стирается из памяти. Все элементы дублируют, поддерживают, дополняют друг друга по смыслу. Фигура – кумулятивный механизм. Отношение между элементами основано на принципе конъюнкции (отношение «и... и...»), а не на принципе дизъюнкции (отношение «или..., или...»). Отрицание между элементами является неполным, относительным, т.е. контрарным, а не контрадикторным. Выразительная горизонталь фигуры переходит в смысловую вертикаль.

Образность также реализует кумулятивную функцию, но по другому принципу. Содержательное нарастание в ней основано непосредственно на смысловой вертикали. В тропах мы видим фигуру полного выразительного вытеснения прямого наименования объекта образным. Образ выигрывает смысловую борьбу у прямой номинации, потому что та не способна своими средствами вполне раскрыть смысловую феноменологию понимания объекта. «Преимущества образной номинации перед прямой языковой заключаются в ее большей смысловой емкости, а также в ее большей наглядности и характерности» [Барбазюк, 2013, с. 73]. Образ экономичнее прямой номинации. «Достоинство образа состоит именно в том, чтобы доставить возможно большее количество мыслей в возможно меньшем количестве слов» [Шкловский, 1983, с. 25]. Образ способен «... представлять сложные мыслительные процессы через относительно небольшие умственные величины» [Потебня, 1990, с. 100].

Посмотрим на примеры применения метафор:

Но скучна будет илиада человека обыкновенного, ничего не совершившего... (Герцен).

Deputy Prime Minister... conceded that Russia's stranglehold on Indian contracts was under threat (ИИТ, 2001).

Camille was a girl compared to this hurricane (The Globe and Mail 30.08.2005).

За каждой из приведенных выше метафор стоит сложное предметное представление. Относительно простая семантика образа *кодирован* сложную картину мира: *илиада* – ироничное сравнение спокойной жизни обычного человека с полной опасных приключений жизнью древнегреческих героев; *stranglehold* – монопольное положение России в индийском импорте уподобляется мертвой удушающей хватке; *girl* – своеобразная метафорическая литота: один ураган уподобляется «девочке» в сравнении с другим, более сильным. Впрочем, какой бы яркой ни была метафора, в ней всегда сохраняется потенциал обратного предметного *декодирования*, т.е. возврата к прямому предметному описанию. Любая образная номинация потенциально может быть заменена прямой предметной (*илиада* – жизнь, *stranglehold* – доминирование, *girl* – слабый, меньший по силе эффект).

Метафора привлекает к себе внимание, заставляет задуматься, в какой-то момент она может заставить нас забыть о реальности. Но «победа» образа над прямой номинацией обманчива. Всю полноту власти в части предметной контекстуализации образа сохраняет за собой прямая номинация. Чрезмерное отдаление образа от прямой номинации чревато потерей связи с реальностью, с объектом описания. Такое возможно в сильной поэтической метафоре. При использовании ярких метафор авторы обычно

стремится сохранить в ближайшем контексте необходимые точки опоры, напоминающие о присутствии реального объекта. Стремление освободиться от контекста, встать выше него и одновременно связанность контекстом характерно для метафоры. Выигрывая номинативную борьбу с прямым именем объекта, метафора проигрывает нарративную борьбу с контекстом: в конечном счете, она всегда подчиняется логике предметного нарратива.

Линейная, выразительно развернутая фигура явным образом показывает борьбу частей, репрезентирующих предметную и смысловую части речевого знака, за референцию. Смысловая фигура (троп) содержит в себе скрытую борьбу частей речевого знака за референцию – за право выступать именем обозначаемого объекта.

3. ВНЕШНЯЯ СИНЕРГЕТИКА ФИГУРЫ

Внутренняя синергетика фигуры характеризует смысловую борьбу дублирующих друг друга номинаций (двух частей фигуры) за референцию. Внешняя синергетика характеризует борьбу соотносимых форм, частей фигуры за смысловую, концептуальную направленность. И там, и там отношение частей фигуры не меняется: предметная сторона фигуры, референция – интерпретируемое, а смысл, образ – интерпретатор. Но в одном случае конечным пунктом и целью понимания является референция, в другом целью и конечным пунктом становится смысл, т.е. концептуальная сторона фигуры. С одной стороны, посредством речевого знака я уясняю для себя, о чем идет речь, что передо мной, каков реальный объект. С другой стороны, при помощи этого самого знака я хочу уяснить, каков смысл, концептуальная значимость обозначаемой реальности. В тексте, в прагматике реальной речевой деятельности верх может брать любой из этих двух модусов понимания: речевой знак может закрываться в-себе или открываться вовне. Отметим, что обоюдное присутствие двух аспектов понимания, предметного и смыслового, в речевом знаке обязательно. Верх, как в референциальном, так и в концептуальном понимании, всегда одерживает смысловой аспект, т.е. интерпретирующая часть фигуры: с одной стороны, она вытесняет реальное именование объекта, с другой стороны, она же доминирует концептуально.

Внешняя синергетика фигуры означает ее обращенность, в смысловом своем аспекте, к внешним мотивационным факторам речевой деятельности. В смысловом аспекте открывается дискурсивная функция фигуры. В фигуре, в ее феноменологии запечатлевается историческая реальность дискурса в ее актуальной коммуникативной динамике. Фигура становится *единицей* дискурса.

Внешняя синергетика фигуры проявляет себя в форме внешней дискурсивной интертекстуальной и/или концептуальной ассоциации. Интертекстуальная ассоциация обычно является ассоциацией направленного типа, характеризуется осознанной референцией к прецедентным текстам, актам речевой деятельности. Она проявляет себя в форме цитаций, использования крылатых слов и выражений, формальных подражаний, развития или отрицания чужих мыслей. Чужой текст, так или иначе, синергетически «помогает» нашему тексту. Этот тип ассоциации несет интерпретационную нагрузку. Интертекстуальная ассоциация всегда является определенным продолжением чужой мысли, предшествующего речевого опыта в ином контексте. В новом контексте чужая (прецедентная) мысль, оказываясь в новых для себя условиях, получает определенное переосмысление (даже прямая цитата в ином контексте получает некоторый дополнительный смысл). При этом всегда, так или иначе, мыслится имплицитно или присутствует эксплицитно повтор этой чужой мысли. Таким образом, возникает *интертекстуальная фигура* дискурса – от текста к тексту, от автора к автору, – для которой характерна переходность от предыдущего к последующему. Такую фигуру

можно назвать *макрофигурой*. Между частями фигуры здесь мы также видим отношение интерпретации. Интертекстуальная фигура является intersубъективной. Это – диалог, коммуникативный контакт двух людей: непосредственно-диалогический или отложенный, разорванный во времени.

Внутренняя синергетика фигуры производна от внешней дискурсивной. Говорящий, желая как можно более полно охарактеризовать именуемый объект, обращается к прецедентному речевому ресурсу дискурса, эксплуатирует его в целях достижения требуемого смыслового эффекта. Некоторые исследователи усматривают признаки интертекстуальности в фольклорных и обычных номинативно-образных единицах, в которых реализуется перенос значения – в пословицах, метафорах [Барбазюк, 2013, с. 49-50], противопоставляя друг другу эндогенные и экзогенные факторы образности [Шнякина, 2010, с. 4, 61-62]. Внутреннее и внешнее здесь – две стороны одной и той же фигуры.

Интертекстуальная фигура, в собственном понимании, это развернутая фигура, в которой на первый план выходят внешние факторы ее понимания. Внешняя синергетика – это синергетика различных контекстов, которые встречаются, борются и взаимодействуют друг с другом в пространстве обозначения и/или в пространстве контекстного развития мысли.

Всякая фигура во внутреннем плане борется за смысловое доминирование в контексте, а во внешнем – за концептуальное доминирование в дискурсе. Попробуем противопоставить друг другу внутреннюю и внешнюю стороны фигуры, или, если в целях ясности изложения временно оторвать эти две стороны друг от друга, фигуру внутреннюю контекстуальную (в узком понимании) и фигуру внешнюю дискурсивную (в широком понимании).

Фигура внутренняя – это обычно *свернутая, синкретическая* фигура, которая смотрит внутрь себя. Она является по преимуществу *номинативной*, т.е. непосредственно нацелена на решение номинативной задачи, мыслится как оптимальная форма именования объекта. При помощи этой фигуры достигается *осмысление* реализуемого в знаке предметного обозначения в масштабе контекста, это ее интерпретационный максимум. Эта фигура по технике своей работы может быть названа *иррациональной* в силу изначальной чужеродности соотносимых и конкурирующих друг с другом значений, семантик, между которыми отсутствует рациональная логическая связь. Так, о подобии на базе неподобного, как основополагающем принципе метафоры, говорят многие исследователи, см.: [Лосев, 1976, с. 53; Телия, 1988, с. 30-31]. Наибольшая сила образного и экспрессивного воздействия достигается тогда, когда подобие или иное тождество устанавливается между различающимися, чуждыми друг другу вещами. Так, несоизмеримость сравниваемых вещей видна в следующих метафорах: *Бронштейн – шахматный чудак. Паганель. Дон Кихот; Принцесса Ди – это идол, героиня и икона* (примеры из: [Барбазюк, 2013, с. 120]). Нетрудно также заметить, какой ресурс интертекстуальности эксплуатируется в этих примерах.

Фигура внешняя – это *дистантная, развернутая* фигура. Она является *логически* или *культурно мотивированной*: в ней устанавливается и в той или иной форме *демонстрируется* мотивированный переход от одной части фигуры к другой: от предметно-семантической к смысловой или наоборот. Одна часть является смысловым продолжением или развитием другой. При помощи этой фигуры решается не просто номинативная, но сложная содержательная задача. Две ассоциативно или логически связываемые части фигуры могут находиться в разных частях текста или даже в разных частях дискурса. Соответственно, здесь возникает принципиально иной масштаб интерпретации: при помощи этой фигуры достигается *переосмысление* представленного

в знаке предметного содержания в масштабе дискурса. В масштабе дискурса, со своей внешней стороны фигура приобретает *рациональные* черты.

В интертекстуальной фигуре в качестве ее основания или высшего результата открывается концептуальная фигура дискурса. Концептуальная фигура – своеобразная изнанка интертекстуальной фигуры, ее дискурсивная *смысловая вертикаль*. Смысловая вертикаль раскрывает иерархическую подчиненность разворачивающейся линейно фигуры, от одной своей части к другой, высшему смыслу, концепту. Концепт – высшая точка притяжения, аттрактор, заданная изначально «*функциональная перспектива дискурса*», которой подчинены в своем смысловом и выразительном развитии все входящие в пространство дискурса его единицы – речевые знаки-фигуры.

Понятие «*функциональной перспективы дискурса*» предлагает Е.В. Пономаренко. Допускается, что «*функциональная перспектива дискурса*» может масштабироваться предельно широко [Пономаренко, 2015, с. 39-40]. Она может предписывать не только смысловое развертывание высказывания от темы к реме, но и межпропозициональное развертывание текста и, наконец, диалоговую и межтекстовую эволюцию всего дискурса в некотором порядке взаимодействия мнений, идей (например, в политическом или юридическом дискурсе). Категории темы и ремы получают максимально широкую интерпретационную трактовку, выступают не только как показатели внутреннего отношения в высказывании, но и как показатели отношений между высказываниями в тексте или между текстами в масштабе дискурса. Категории темы и ремы уже давно трактуются в терминах топика и комментария, см.: [Курдюмов, 1999], но в данном случае эта трактовка экстраполируется на все уровни смысловой переходности. При таком подходе категория фигуры также получает максимально широкое понимание. По сути, любое линейное развертывание, выражающее динамику смыслового развития мысли, может рассматриваться как фигура. Минимальным образом это – «*фигура высказывания*», см. [Курочкина, 2006, с. 5].

Итак, линейное развертывание фигуры в любом масштабе понимания обусловлено смысловой парадигмой дискурса. Мы не будем брать в целом смысловую вертикаль фигуры в масштабе дискурса. Обратим внимание на отдельный переход от одной части фигуры к другой, от интерпретируемой к интерпретирующей, от топика к комментарию. Ближайшим образом фигуративный переход в таком смысловом масштабе выражает интерпретационную взаимосвязь предметной семантики и образа, предметной семантики и оценки.

По мере развертывания текста говорящий в той или иной форме всегда подытоживает, обобщает, комментирует сказанное, как бы объясняя себе и адресату, какой смысл, какое содержательное предназначение несет предыдущее изложение. Линейный переход от топики (констатирующей) к комментирующей части изложения (в высказывании, СФЕ, тексте) вполне фигуративен и выражает разные уровни понимания реальности, своеобразную трансценденцию от предмета понимания к образу или оценке. Взаимное дублирование предметной и смысловой частей фигуры (эксплицитное линейно-выразительное или имплицитное) обязательно: без противоположного момента каждый из них в-себе лишен основания, т.е. абсурден.

Рассмотрим примеры смыслового фигуративного дублирования.

Так, обращает на себя внимание интересная закономерность поведения пословицы в контексте [Шнякина, 2010, с. 81-82, 109-110]. Пословичный или иной яркий развернутый образ требует эксплицитного контекстного декодирования. В случае с пословицами получается, что один и тот же объект, одна и та же ситуация обозначается или описывается дважды: один раз при помощи образа, другой раз – при помощи прямой номинации, прямого описания:

«... "в тихом омуте – черти водятся", В белорусской обители идет нешуточная подводная, глубинная борьба православия и католичества»;

«Но не бывает дыма без огня. В гитлеровской Германии действительно существовали организации, занимавшиеся поиском и изучением так называемого тайного знания...» (Примеры из: [Шнякина, 2010, с. 103]).

“Curiosity killed the cat. In villages farther away from the lake, people had a better chance of survival, especially if they ignored the noise the lake made as it disgorged its CO₂. But people who stepped outside their homes to see where the noise had come from, ... collapsed and died right on their own doorsteps.” (Пример из: [Шнякина, 2010, с. 82]).

Две части – пословичная образная и описательная – следуют друг за другом как топик и комментарий, одна часть эксплицирует другую. Две части могут меняться местами, однако это не меняет принципа отношений между ними.

Художественное описание также требует контекстной расшифровки – дальнейшего смыслового объяснения, по какому поводу оно в тексте было приведено. Вспомним известные эпизоды встречи князя Андрея с дубом в березовой роще в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (Том 2, часть 3, главы 1 и 3). Мрачное описание дуба в первой главе становится понятным, лишь когда Толстой соотносит его с грустными мыслями князя Андрея о смысле жизни. Однако в другом случае, в третьей главе, новый взгляд соотносится уже со светлыми мыслями князя Андрея, образ дуба вызывает у него положительные эмоции.

«На краю дороги стоял дуб... С огромными, неуклюже, несимметрично растопыренными руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны...»

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу...»

“Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, – думал князь Андрей. – Пускай другие, молодые вновь поддаются на этот обман, а мы знаем: наша жизнь кончена”. Целый ряд мыслей, безнадежных, но грустно-приятных, возник в душе князя Андрея». (1 глава).

...

«Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въехал опять в ту березовую рощу, в которой этот старый корявый дуб так странно и памятно поразил его...»

Старый дуб, весь преображенный раскинувшись шатром сочной и свежей зелени млея, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца... “Да, это тот самый дуб,” – подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления... Нет, жизни не кончена в тридцать один год... Надо, чтобы не для одного меня шла жизнь, чтобы на всех она отражалась...» (3 глава).

В каждом из приведенных выше примеров мы видим скачок от образа, пословичного или художественного, к прямому предметному описанию. Две соотносящиеся части дублируют друг друга: это – два описания, два обозначения одного и того же. Две части интерпретируют друг друга. Между ними возникает трансцендентная интерпретационная переходность. Две части демонстрируют смысловую интерпретационную вертикаль, обусловленную функцией дискурса. Эту связь нельзя назвать причинно-следственной в строгом смысле слова, это – случайная, ассоциативная связь. Это можно назвать фигурой символической переходности.

Между двумя частями развернутой образно-художественной фигуры чувствуется скрытое отношение предикации, т.е. то отношение, которое призвано отождествлять две части фигуры (например, тему и рему в высказывании). При этом, образная часть чувствует себя вполне свободно относительно соотносимой с нею предметной частью,

ее нельзя считать выводом или содержательным следствием предметной части. На наш взгляд, это является показателем ее иррациональности.

В институциональных дискурсах, в частности, в политическом или юридическом, действует устойчивая дискурсивная аксиологическая вертикаль. Это – то, что можно назвать скрытой *концептуальной фигурой дискурса*. Эта вертикаль конституируется иерархией аксиологических смысловых ориентиров, определяющих тактику и стратегию линейного развертывания речи. В линейной речевой цепи мы наблюдаем жесткое влияние оценки, которая неотступно сопровождает всякое предметное описание или рассуждение: либо эта оценка будет выражена эксплицитно в дальнейшем изложении, как вывод, вытекающий из данного описания или рассуждения, либо она будет неизбежно подразумеваться как потенциальный смысл предметной стороны описания. Такое плотное аксиологическое сопровождение особенно заметно в текстах юридической судебной риторики, в которых все построено так, чтобы подчинить попадающую в поле зрения предметную реальность значимой юридической оценке.

Дискурсивная аксиологическая вертикаль является трехступенчатой и строится по модели смысловой взаимосвязи терминов умозаключения, т.е. как отношение *единичного, особенного и всеобщего* (Е – О – В). Философско-логический анализ смысловой взаимосвязи терминов умозаключения мы проводим по модели Г.В.Ф. Гегеля [Гегель, 1974, с. 365-382]. Единичным является предметное описание или обозначение внешнего события. Особенное и всеобщее образуют область оценки представленного в предметном описании события. Оценка в судебной риторике разделена: всеобщее относится к уровню высшей юридической оценки и представлена судебным вердиктом, а особенное представляет собой относительную субъективную оценку, в которой большую роль играет эмоционально-экспрессивный компонент. Принципиальное значение имеет позиция среднего термина, для нас это, прежде всего, позиция особенного в его отношении к единичному и, далее, к всеобщему.

В концептуальной фигуре юридического дискурса отношение между единичным и особенным в нижнем крыле фигуры, равно как и отношение между особенным и всеобщим (т.е. между относительной субъективной и высшей юридической оценками) в верхнем крыле, является интерпретационным: аспекты каждого отношения (Е – О или О – В) интерпретируют друг друга. Реальные события (Е) получают относительную субъективную оценку каждой из сторон (О). В свою очередь, высказывая оценку, каждая сторона обосновывает ее описанием реальных событий. Таким образом, факты получают оценку, а оценка обосновывается фактами. Совокупность относительных оценок сторон (положительных и отрицательных) собирается воедино и взвешивается судом, составляя основу для вынесения окончательного вердикта. Вспомним в этой части характерный символ правосудия – *весы*: что получит больший вес в решении суда?

Аспекты взаимоотношения терминов фигуры раскрываются в линейной речевой цепи в выступлениях сторон. При этом, нередко в реальных выступлениях наблюдается фигуративный эллипсис, т.е. отсутствие того или иного термина концептуальной фигуры в эксплицитном выражении, что, впрочем, не говорит о том, что та или иная сторона в принципе отказывается от данной позиции фигуры. Импликация термина юридической фигуры в судебной аргументации обязательна.

Нас в первую очередь интересует средняя оценка, которая является наиболее гибкой, подвижной. Именно на ней основана и посредством нее реализуется дискуссионная функция судебного выступления. Как ни странно, при всей жесткости связи этого аксиологического термина юридической фигуры со своим фактическим предметным обоснованием, именно в этом пункте обнаруживается весьма примечательная свобода оценки, ее относительная субъективная произвольность. При

всей неоспоримости фактов выносимая той или иной стороной субъективная оценка может быть чрезмерной или, наоборот, недостаточной.

Так, в американском суде действия мошенницы, обманувшей людей на миллионы долларов, оцениваются стороной защиты через оценочный предикат *mistake*, приводятся другие оценочные предикаты *poor young woman*; она никого *не шантажировала* (*no blackmail*), поддерживала со всеми *добрые отношения* (*good relationship*). Удивительно, но суд прислушался к аргументации защиты и вынес достаточно мягкий вердикт (хотя факт мошенничества налицо). Этот случай иллюстрирует действие недостаточной оценки. Сложную систему аргументации выстраивает адвокат, пытающийся оправдать игроков американского футбола, изнасиловавших девушку. Он называет их *kids, young people*. Он даже призывает суд не считать их поступок аморальным, поскольку они – молодые люди и у них другая мораль: “*what might be immoral in my culture* (имеется в виду культура старшего поколения), *might be very moral and very standard in a college kid culture*”. Суд не прислушался к оценкам адвоката и вынес строгое решение.

Недостаточная оценка эвфемистична, ее цель – ослабить связь реальных событий и их юридической смысловой оценочной интерпретации. Таким образом, рассматриваемые события дефактуализируются: сторона защиты доказывает, что они не подпадают под юридическую оценку и, значит, не могут рассматриваться как юридический факт, как бы вычеркивает их из опыта юридического дискурса.

Чрезмерная оценка стремится усилить связь внешних событий и оценки, сделать эту связь неоспоримой. Однако именно этой оценке иногда не хватает фактической верификации, и ее высказывают с тем, чтобы компенсировать нехватку фактов. Чаше усиление негативной оценки встречается в речах представителей обвинения. Так, пытаясь возложить всю тяжесть вины за убийство на обвиняемую девушку, сторона обвинения использует яркие негативные оценочные предикаты: *a ringleader, orchestrating the coldblooded murder, wanted this girl dead, sociopath, conniving, remorseless*. Однако сторона защиты находит дополнительные фактические обстоятельства, опровергающие, что эта девушка была организатором преступления. В итоге весьма эмоциональная негативная оценка обвинения не верифицируется фактами. Рассмотрение дела получает новый поворот.

Надо сказать, что далеко не часто в судебных разбирательствах в выступлениях сторон наблюдается равновесное отношение фактов и оценки. Впрочем, и в других областях как политической, так и частной жизни нередко можно встретить неравновесное отношение предметной стороны понимания и оценки. Конечно, нарушение равновесия обычно возникает со стороны оценки ввиду ее чрезмерности или недостаточности. С другой стороны, факты тоже могут замалчиваться или выдумываться в угоду вынесения нужной оценки.

Как ни странно, неравновесное отношение предметной и оценочной сторон дискурсивной юридической фигуры доказывает не их удаленность или независимость, но, наоборот, тяготение этих сторон друг к другу, их взаимную востребованность, невозможность их *бытия* друг без друга. Оценка императивна, она требует фактического подтверждения. Оценка провоцирует предметное фактическое домысливание. Если кто-то кого-то назвал плохим/хорошим именем, значит, «что-то было»? что-то привело к такого рода оценке? Мы вольно или невольно ищем причину оценки и находим ее (а точнее, чаще всего, придумываем, воображаем) в предметной, фактической стороне события. Если за оценкой нет никакой предметной наррации, мы придумываем ее. Именно так возникает компенсация фактической предметной недостаточности за счет оценки. Ложная негативная оценка звучит как оскорбление, инвектива, ложная положительная оценка звучит как лесть.

Большую узуальную эффективность обнаруживает чрезмерная негативная оценка в политическом дискурсе. Так, используемые в западной и украинской политической терминологии чрезмерные негативно-оценочные предикаты, характеризующие присоединение Крыма к России, – *аннексия*, *захват* – провоцирует соответствующее предметное домысливание у ряда западных журналистов, которые ищут недовольных таким присоединением. С учетом существующей реальности, надо сказать, это нелегкий поиск. Такой же чрезмерный оценочный термин используется по отношению к событиям в Донбассе – *российская вооруженная агрессия* против Украины. Поиск фактического подтверждения этой оценки, как мы знаем, так и не дал результата. Но в политике иногда важна сама оценка, как таковая: от нее требуется мгновенный пропагандистский эффект, а не соответствия реальным событиям. Множество людей склонны верить голой оценке.

Не только оценка может провоцировать предметное домысливание, но и предметный нарратив может стать основой оценочной провокации. В этом случае применим термин *инсинуация*. Контекстуально обусловленный предметный компонент провоцирует оценочное смысловое расширение, подводит мысль к соответствующей оценке события. Например, в обычной беседе простой вопрос может заставить человека оправдываться в силу нежелательных оценочных импликаций: – *Галя тебя пригласила на день рождения?* – *Да, но там буду не только я, у нее много друзей* (в вопросе можно увидеть намек на возможные особые отношения между Галей и тем, кому задан вопрос). «*Я смотрю, ты решил сегодня отдохнуть?* – *Не беспокойтесь, я успею сделать работу до четверга*». – В этом микродиалоге нетрудно увидеть аксиологический подтекст: «*Вы ленились?* – *Нет, я не ленюсь, я хороший, надежный работник*». Развитие диалога подчиняется той интерпретации, которую адресат применяет к реплике адресанта. Интерпретации одной и той же реплики двумя коммуникантами, со стороны автора и со стороны адресата, могут не совпадать.

В судебной риторике тоже встречаются такие случаи. Например, случай допроса свидетеля:

Defender: mrs. Stone how many drinks had you had before you approached my client?

Witness: three or four beers.

Defender: So, you lost count

Prosecutor: Argumentative

Judge: Sustained

Защитник своей комментирующей репликой «*So you lost count*» явно пытается показать, что свидетель был изрядно пьян и, следовательно, вряд ли можно с уверенностью полагаться на его показания. Формально защитник не высказывает никакой оценки (он лишь констатирует, что свидетель потерял счет бутылкам пива, которые выпил). Судья поддерживает протест со стороны обвинения.

Итак, мы видим, сколь противоречивым и сложным может быть линейное развитие фигуры, объединяющей в себе признаки переходности и интерпретации, в коммуникативной динамике юридического дискурса. Так или иначе, это – всегда переход от предметной стороны содержания к оценке (или наоборот), который, собственно, и составляет основу интерпретации. Чаще всего смысловую часть своей реплики говорящий выражает эксплицитно, выдвигает ее вперед, как инструмент воздействия на адресата.

Предметная и аксиологическая части фигуры находятся в оппозиции друг к другу. В рамках этой оппозиции реализуется дискурсивная синергетика фигуры, к которой обращаются общающиеся, каждый из которых преследует свой интерес, по-своему понимает развитие диалога.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ имел целью показать с различных сторон *предметно-смысловой параллелизм* речевого знака как его сущностную семиотическую характеристику. В речевом знаке теряет релевантность диалектика формы и содержания, присущая *языковому знаку*, которая уходит на второй план. На первый план выдвигается диалектика моментов смысла и предметной семантики, которые находятся в постоянном относительном взаимном движении. Диалектика этих моментов создает интерпретационную реальность речевого знака как фигуры в масштабе текста, диалога, дискурса. Именно эту функцию как высшую реальность знака призывал учитывать Л. Ельмслев, предложивший понятие метасемиотики – такой семиотики, «в которой план содержания является семиотикой» [Ельмслев, 1960, с. 369]. Возможности метасемиотики, которая, как мы понимаем, имеет дискурсивную и синергетическую природу, еще не вполне раскрыты в современной лингвистике.

Фигура и дискурс – тесно связанные категории. Фигура – единица дискурса. Дискурс – фактор, обуславливающий смысловую динамику фигуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1998.
2. Барбазюк В.Ю. Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2013.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Москва: Мысль, 1974. Т. 1. Наука логики.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Москва: Изд. Ин. Лит-ры, 1960. Вып. 1. С. 264-389.
5. Иванов Н.В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. Москва: ИД «Международные отношения», 2018.
6. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка: монография. Москва: Военный университет, 1999.
7. Курочкина Е.В. Пропозициональная фигура выражения в текстовом дискурсе (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2006.
8. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва: Искусство, 1976.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. Москва: Наука, 1988.
10. Пономаренко Е.В. Функциональная перспектива дискурса как объект лингвистики и лингводидактики // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Двенадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению (Москва, 9-10 июня 2014). Сб. статей в 2 ч. / Отв. ред. Л.Г. Веденина. Москва: МГИМО-Университет, 2015. Ч. I. Языки в аспекте лингвостановедения. – С. 36-47.
11. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990.
12. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / Науч. ред. И.В. Павлова. Москва: Изд. «Лабиринт», 2001.
13. Сендерович С.Я. Морфология загадки. Москва: Языки славянской культуры, 2008.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Москва: Соцэкгиз, 1933.
15. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. Москва: Наука, 1988. – С. 26-52.
16. Шкловский В.Б. О теории прозы. Москва: Советский писатель, 1983.

17. Шнякина К.В. Дискурсивная динамика образных форм в языке и тексте (семиотический анализ английских и русских пословиц и метафор): дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2010.

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1998). *Yazyk i mir tcheloveka [Language and the world of a person]*. Moscow: Yazyki russkoy kultury (in Russian).
2. Barbazyuk, V.Yu. (2013). *Smyslovoe razvitie metafory v textah razlichnyh janrov: semioticheskiy i sinergeticheskiy aspekty interpretatsii: diss. ... kand. philol. nauk [The semantic development of metaphor in texts of various genres: semiotic and synergetic aspects of interpretation (Candidate thesis)]*. Military University, Moscow, Russia (in Russian).
3. Gegel, G.W.F. (1974). *Entsiklopedia filosofskih nauk. T. 1. Nauka logiki [Encyclopedia of philosophy. Vol. 1. Science of logic]*. Moscow: Mysl (in Russian).
4. Elmslev, L. (1960). *Prolegomeny k teorii yazyka [Prolegomes to the theory of language]. Novoe v lingvistike [New in linguistics]*, Moscow: Izd. Inostrannoy Literatury, 1, 264-389 (in Russian).
5. Ivanov, N.V. (2018). *Interpretatsia v znakovoy ontologii yazyka i v perevode [Interpretation in the sign language ontology and in translation]*. Moscow: Mejdunarodnyie otnosheniya (in Russian).
6. Kurdyumov, V.A. (1999). *Ideia i forma. Osnovy predikatsionnoy kontseptzii yazyka: monografia [Idea and form. Fundamentals of the predicative concept of language: monograph]*. Moscow: Military University (in Russian).
7. Kurotchkina, E.V. (2006). *Propozitsional'naya figura vyrazeniya v tekstovom disкурсе (na materiale angliyskogo yazyka): diss ... kand. philol. nauk [A propositional figure of expression in textual discourse (based on English) (Candidate thesis)]*. Military University, Moscow, Russia (in Russian).
8. Losev, A.F. (1976). *Problema symbola i realisticheskoye iskusstvo [Problem of symbol and realistic art]*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
9. Permyakov, G.L. (1988). *Osnovy strukturnoy paremiologii [Basics of structural paremiology]*. Moscow: Nauka (in Russian).
10. Ponomarenko, E.V. (2015). *Funktsional'naya perspektiva discursa kak ob'ekt lingvistiki i lingvodidaktiki [Functional perspective of discourse as an object of linguistics and linguodidactics]*. Lingvostranovedeniye: metody analiza, tehnologii obucheniya. Dvenadtsaty mejvuzovskiy seminar po lingvostranovedeniyu. Sb. statey v 2 tch. [Linguistic and regional studies: analysis methods, teaching technology. Proceedings of the 12th Interuniversity seminar on linguistic and regional studies, Moscow: MGIMO-Universitet, 1, 36-47 (in Russian).
11. Potebnya, A.A. (1990). *Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics]*. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).
12. Propp, V.Ya. (2001). *Morfologiya volshebnoy skazki [Morphology of a fairy tale]*. Moscow: Labirint (in Russian).
13. Saussure, F. de. (1933). *Kurs obshtchey lingvistiki [General linguistics course]*. Moscow: Sotsekgiz (in Russian).
14. Senderovitch, S.Ya. (2008). *Morfologiya zagadki [Morphology of riddle]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury (in Russian).
15. Teliya, V.N. (1988). *Metafora kak model smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenotchnaya funktsiya [Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function]. Metafora v yazyke i tekste [Metaphor in language and text]*, Moscow: Nauka, 26-52 (in Russian).

16. Shklovskiy, V.B. (1983). *O teorii prozy [About prose theory]*. Moscow: Sovetskiy pisatel (in Russian).
17. Shnyakina, K.V. (2010). *Diskursivnaya dinamika obraznykh form v yazyke i tekste (semioticheskiy analiz angliyskikh i russkikh poslovitz i metaphor): diss. ... kand. philol. nauk [The discursive dynamics of figurative forms in language and text (semiotic analysis of English and Russian proverbs and metaphors) (Candidate thesis)]*. Military University, Moscow, Russia (in Russian).

FIGURE IN DISCOURSE

Nikolai V. Ivanov
MGIMO University (Moscow, Russia)
e-nickma@mail.ru

Maria N. Fedulova
Military University of the Russian Defence Ministry (Moscow, Russia)
mfedulova@mail.ru

The article presents a broad theoretical view of *figure* in its expressive and semantic features, as a semiotic and cognitive category. The nature of figure comes out in speech. Figure is a characteristic form of *speech sign* (sign in speech). The essence of figure is described in terms of transitivity and interpretation. Both are functional qualities which serve to describe relationship between the parts of the figure. The notion *parts of the figure* has a double meaning: a linear and a conceptual one. Figure, to come to existence, unites and, at the same time, opposes its two parts to each other. The linear approach means a discrete and external expressive evolution of the figure, one part comes to substitute and to complete the other, this transition from one part to another implies a conceptual evolution of the figure. The linear approach applies to different scales of analysis. As figures one can see: forms of structural and nominative reduplication, transition from theme to rheme in the proposition, transition from one proposition to another within the text, intertextual transition from one text to another within the discourse. The conceptual approach goes to inner syncretism of the figure, representing the semiotic link between the sense and the semantic representation of the object in it. A linear figure turns to be a conceptual one. At this point too we see different levels of figure. An inner and an external synergies of the figure are distinguished. The first one refers to the inner correlation between two parts of the figure. The second one characterizes how the figure depends on the conceptual factors of the discourse. The figure in its evolution focuses on the “functional perspective of discourse”. The figure hones conceptual features and contributes to conceptual structuring of discourse. A *conceptual figure of discourse* grows in this process. The most stable conceptual features are seen in so called institutional types of discourse. The article analyses examples from political and juridical discourses. It may be of interest of different specialists working in fields of discourse, semiotics, cognition theory and logic.

Keywords: figure of discourse; speech sign (sign in speech); transitivity; interpretation; inner synergy of the figure; external synergy of the figure